

За Се Жунцзяо, представлявшим город Фэнлин в Южном регионе, следили множество глаз. Однако трое, кто должен был быть в центре внимания, незаметно исчезли. Во время ужина, когда было шумно и многолюдно, Цзян Чанлань даже не заметил их отсутствия.

В уединённом павильоне среди бамбуковой рощи в одном из дворов, под светом луны, тени бамбука колыхались, а ветер шелестел листьями. Вода падала на камни Тайху, создавая белые брызги.

Чжоу Юй выбрал это место идеально. Уединённость и отсутствие помех были мелочью, но главное — оттуда было видно всё вокруг, и любой подход был бы сразу заметен.

Он явно дал понять, что хочет поговорить наедине, и благоразумные люди обходили это место стороной.

При свете фонаря в павильоне лицо Чжоу Юя было бледным, как бумага, совсем не таким, каким его представляли себе люди, ожидавшие увидеть его в лучах славы. Он хрипло произнёс:

— Сегодня днём я хотел использовать передачу меча, чтобы отравить наследника князя Фэнлина. Зная, что мои грехи велики, я сознательно уничтожил свою силу, чтобы прийти к Святому и покаяться.

Это было как гром среди ясного неба.

Но Цзян Цзинсин не был человеком, которого могла бы испугать такая новость. На его губах появилась улыбка, холодная, как свет на лезвии меча:

— Господин Чжоу, ты, вероятно, и не планировал сохранять свою силу, верно? Если я не ошибаюсь, яд был самым опасным раствором силы, который не только уничтожает силу, но и лишает возможности начать заново. Ты, как отравитель, должен был сначала сам попасть под действие яда, чтобы не вызвать подозрений. Ты пожертвовал собой ради успеха.

Цзян Цзинсин был прав.

Если бы Чжоу Юй не был уверен, что во время планирования этого заговора не было четвёртого человека, он бы подумал, что Цзян Цзинсин всё видел.

Теперь он мог только склонить голову ещё ниже:

— Я готов отдать свою жизнь в качестве компенсации.

Цзян Цзинсин усмехнулся:

— Ты уже бросил свою жизнь и силу, когда решился на это. Ты действительно думаешь, что Се Хуань и Се Жунхуа не смогут выяснить, кто это сделал? Даже если они, учитывая связь с Цзи Хуаном, временно не будут действовать, ты думаешь, я тебя отпущу?

Его голос был спокоен, он не повышал тон и не подчёркивал слова для устрашения.

Но в его словах была настолько сильная убийственная аура, что она, казалось, вот-вот вырвется наружу.

Он действительно был способен на это.

Эта мысль неожиданно пришла в голову Чжоу Юя.

Если бы план удался, Цзян Цзинсин действительно мог бы поднять меч против Цзи Хуана.

Он мог бы убить императора Чжоу во второй раз.

В конце концов, один раз — это уже привычка, и бояться нечего.

Этот ужасный страх охватил Чжоу Юя, и он мог только сжать ладони, чтобы боль от ногтей, впивающихся в кожу, помогла ему сохранить самообладание:

— Тогда что Святой хочет, чтобы я сделал?

Задав этот вопрос, Чжоу Юй вдруг успокоился, пальцы постепенно расслабились:

— Святой знает мои слабости, и, держа их в руках, он может указывать мне, куда идти.

Цзян Цзинсин ответил невпопад:

— Ацзи ненавидит, когда затрагивают семью, и я тоже этого не люблю.

Чжоу Юй почувствовал, как будто его позвоночник, который держал его в вертикальном положении, был вырван. Он почти рухнул от облегчения:

— Это Цзи Хуан приказал мне сделать это. С того момента, как я принял это задание, я стал пешкой, и он, конечно, не оставил мне никаких доказательств.

К счастью, я уже несколько лет назад тайно присоединился к нему, когда император был ещё здоров, и Цзи Хуан был осторожен. Поэтому у нас, присоединившихся к нему, не было организованной структуры, но остались следы, по которым можно было добраться до Цзи Хуана. Я сохранил их.

Это было полное признание, без оставления себе никакого выхода.

Чжоу Юй был умным человеком.

Неудивительно, что, несмотря на множество похвал и благосклонность учёных, многие из которых видели его талант, он оставался одиночкой, не входя ни в какую школу.

Кроме поверхностной причины заботы о больной матери, вероятно, главной причиной было то, что он уже давно был завербован Цзи Хуаном.

А Чжоу Юй согласился на это, подавляя свою силу, вероятно, из-за того, что его слабость была под контролем.

Заставить больную женщину тихо умереть в постели было несложно, даже если Цзи Хуан тогда находился в неудобном положении.

Причина была готова — кто бы заподозрил, что хроническая болезнь может внезапно обостриться?

Цзян Цзинсин сказал:

— Семья Цзян, вероятно, стала невинной жертвой. Если бы ты добился успеха, Се Хуань бы разгневался, и семья Цзян, как хозяйева, не смогла бы избежать ответственности. Цзи Хуан мог бы выставить их виновными, уничтожив часть власти императрицы Цзян. Люди бы увидели,

что семья Се из Южного региона ведёт себя нагло, нападая на вдову покойного императора.

Цзи Хуан был выбран покойным императором среди множества князей, и ему помогали императрица Цзян и Наставник государства. Он не был человеком с простыми мыслями.

Чжоу Юй горько усмехнулся:

— Святой всё так ясно объяснил, что мне нечего добавить.

Цзян Цзинсин спокойно сказал:

— Как его отец, тот же характер, ничего удивительного.

Младший брат императора Хуай, дядя Цзи Хуана, был одним из немногих добрых людей в семье Цзи. К сожалению, он плохо разобрался в людях и ничего не мог сделать.

Его имя после смерти так и не было окончательно решено, но оно явно не было бы лучше, чем у его брата императора Хуай.

Цзян Цзинсин сыграл важную роль в посмертном имени императора Хуай. После того как он уничтожил семью Цзян, армия Чжэньси была в ярости и чуть не повернула на Хаоцзин.

Цзян Цзинсин, прежде чем достичь Святого этапа, странствовал, и его не арестовали, возможно, потому, что чиновники боялись разозлить армию Чжэньси.

После смерти императора Хуай от руки Цзян Цзинсина все боялись, особенно те, кто участвовал в уничтожении семьи Цзян.

Даже наследник престола, старший сын императора Хуай, Цзи Хуан, был смещён в пользу младшего брата, который не имел связей с Цзян Цзинсином.

Кто бы тогда дал императору Хуай красивое имя?

Слово «Хуай» было результатом усилий старых министров.

Цзян Цзинсин громко сказал:

— Ацзи, ты уже достаточно послушал, можешь выходить.

Его тон был мягким и тёплым, совсем не таким, как раньше, когда каждое слово было скрытой угрозой.

Фонарь под крышей павильона загорелся ярче, и из бамбуковой рощи вышел человек в красном.

Это был Се Жунцзяо.

Несколько лет назад Чжоу Юй не завидовал Се Жунцзяо и Цзян Чанланю, этим избранным судьбой.

Да, у них были лучшие техники и оружие, которые другие не могли получить за несколько жизней, и учителя высшего уровня были для них обычным делом.

Но разве его талант был хуже? Он сам, хоть и с трудностями, мог достичь многого, ведь с

рождения его способности открывали ему путь к величию.

Да, если бы с Цзян Чанланем что-то случилось, разгневанная императрица Цзян уничтожила бы виновного. Если бы что-то произошло с Се Жунцзяо, армия Гуйюань тут же оказалась бы у дверей обидчика.

Если бы что-то случилось с ним, его мать тоже могла бы бороться до конца.

Чжоу Юй всегда был доволен.

Но однажды Цзи Хуан пришёл к нему с улыбкой, и каждое слово его вежливой речи скрывало угрозу.

Чжоу Юй был умным человеком.

Умный человек не позволил бы Цзи Хуану открыто угрожать.

С этого момента он начал безумно завидовать таким избранным, как Цзян Чанлань и Се Жунцзяо.

Цзян Чанлань мог по своему желанию отправиться на поле боя на севере, и императрица Цзян улаживала бы последствия.

Цзи Хуан, с его высоким статусом, правитель Северной Чжоу, хотел уничтожить Се Жунцзяо, но должен был оставить его в живых, даже ценой потери ценной фигуры, которую он выращивал много лет.

И вот, Се Жунцзяо всё ещё находится под защитой меча Бацзи Цзян Цзинсина.

Возможно, Цзи Хуан даже должен быть благодарен за то, что Се Жунцзяо остался в живых, и ему не пришлось идти по пути своего отца.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16198/1453820>